

№ 10 (192)
октябрь

2012

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

В НОМЕРЕ:

Итоги конкурса
«Юные голоса Алтая»

Л.А.Дмитриева
Советы
современным регентам

Ф.И.Шаляпин
«Русские люди
поют песню
с самого рождения»

Г.В.Свиридов
И в сердце светит Русь

Христианский Орфей
О творчестве
И.С.Козловского

Воскресная школа

Сказка для
самых маленьких

С.Феденко

«Ангел несет свет и любовь людям»

СЛОВО ПАСТЫРЯ

ХОРОВАЯ КУЛЬТУРА – сердце русского народа

Слово Преосвященнейшего Максима, Епископа Барнаульского
и Алтайского гостям и участникам
певческого конкурса «Юные голоса Алтая»
4 ноября 2012 г.

Сегодня мы празднуем День народного единства. По церковному календарю на этот день, 4 ноября по новому стилю, приходится Празднование Казанской иконы Божией Матери. Именно через этот святой образ Божия Матерь явила свою милость русскому народу после долгих лет кровавой и страшной смуты.

После долгих лет трагического разъединения народов и всех сословий России, кризиса власти и вообще всех общественных институтов народ приходит к покаянию. К осознанию того, что ненависть, жадность, несправедливость погубят всех, того, что только сообща, оставив личные выгоды и интересы можно выстоять и всем вместе победить.

Венцом прекращения смуты стал Земский собор, прошедший в начале 1613 года. На этом соборе были представлены все сословия и народы России. И это народное собрание после долгих размышлений единогласно избирает царя. И в его лице Россия обретает истинную власть, а значит мир, покой и благоденствие всех народов.

Этот день показал, что в единстве народов России, а в ополчение Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского входили не только русские люди, но и татары, чуваша, мордва и многие другие народы Российского государства, что в единстве народов Россия непобедима.

Радостно и знаменательно, что в этот праздник мы подводим итоги певческого хорового конкурса, ставшего уже традиционным, «Юные голоса Алтая». Проводится конкурс Барнаульской епархии Русской православной церкви в сотрудничестве с Главным управлением по образованию и молодежной политике, Управлением по культуре и архивному делу Администрации Алтайского края.

В числе сегодняшних участников нашего концерта 10 хоровых коллективов по-

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ

«ЕДИНЫМИ УСТАМИ И ЕДИНЫМ СЕРДЦЕМ»

4 ноября в г. Барнауле состоялся IV Епархиальный фестиваль-конкурс детских хоровых коллективов «Юные голоса Алтая», на котором детский хор воскресной школы Александрo-Невского собора занял второе место. Вместе с другими победителями конкурса наши дети приняли участие в праздничном архиерейском богослужении, посетили колокольню Покровского собора и выступили на заключительном гала-концерте.

Поздравляем и от всей души благодарим участников конкурса. Дети очень старались: их репетиции и выступления пришлись как раз на дни школьных каникул, поэтому потребовалось проявить и ответственность, и терпение. Благодарим также всех родителей, бабушек и дедушек за помощь в организации концертов и моральную поддержку.

Для прослушивания на отборочном туре были представлены четыре хоровых произведения а capella. Младшая группа воскресной школы исполнила песню «У зори-то зореньки», вызвавшую бурю аплодисментов и зрительских симпатий. В исполнении старших детей прозвучали два духовных песнопения — две молитвы, обращенные к Божией Матери. Старшей группой была также исполнена песня «Конь» И. Матвеевко любимая многими, и в сознании некоторых ставшая народной. Следует отметить, что эту песню о русской душе и родной земле дети

бедителей. Всего в конкурсе приняло участие 76 коллективов. Члены жюри отмечают возрастающее мастерство, заинтересованность коллективов. И мы, сегодня, награждая победителей, выражаем благодарность всем участникам, нашим соратникам — Администрации Алтайского края, нашим гостям, и конечно педагогам. Вашими стараниями, любовью совершается сегодняшний праздник.

День народного единства как никакой другой день подходит для завершения хорового конкурса.

Хор — это всегда единение. Хоровое пение требует не только талантов, знания нотной грамоты, умения слушать и слышать рядом стоящего. Хор — это своеобразное преодоление индивидуализма. Выдающийся русский композитор Георгий Свиридов отмечал, что певческая хоровая культура — это сердце русского народа. Русский народ не делил церковное и народное пение. В хоровом пении реализовалось соборное, общинное сознание народа, что так созвучно Православной вере и ее духовным вершинам — умному деланию молитвы. Поэтому неслучайно, что в 30-е, богоборческие годы прошлого века во многих русских деревнях хоровое пение просто запрещалось, собрание более трех жителей, даже для совместного пения, было недопустимо, а ведь хор без собора народа немислим. Вместо народного творчества в центре деревень, после закрытия или разрушения храма, вешали радио-громкоговоритель, никогда не выключавшееся, из которого неслись чуждые идеи и чуждые народу напевы...

Только после победы народа в Великой Отечественной войне хоровое пение стало возрождаться. При этом церковное пение продолжало быть фактически под запретом почти до конца 70-х годов. Сколько за это время было утрачено традиций, мастерства! Сколько не расцвело талантов! А главное как пострадала народная душа, которая вместо хора, общинности вовлекалась в соблазн индивидуализма, эгоизма, слепого, бездумного, нелепого заимствования чуждой культуры, чуждых ритмов и напевов!

Поэтому возрождение хорового пения — важнейшая задача воспитания, общения, постижения наших традиций. Особенно хочется поблагодарить участников детских музыкальных школ, светских хоровых коллективов. Нашей целью было познакомить вас с коллективами воскресных школ, а воспитанникам воскресных школ — увидеть ваше мастерство.

Пусть и в будущем наш конкурс собирает еще больше участников! Пусть крепнет и возрождается культура нашего народа!

выучили всего за одно занятие. Молитва «Мати Божия» неизвестного автора и песня «Конь» вошли в программу гала-концерта победителей конкурса.

Детский хор воскресной школы при Александро-Невском храме существует семнадцать лет. За это время младшие воспитанники школы перешли в старшую группу. Многие уже окончили школу, и теперь на их месте новое поколение учеников. Некоторые выпускники в настоящее время поют в церковном хоре и на клиросе. Сколько прекрасных произведений было разучено и спето нашими детьми! Это и народные песни, и авторские песни о красоте природы, о добре и Божией правде. Это песни, посвященные великим православным праздникам и, конечно, богослужебные песнопения, без которых трудно представить репертуар детского хора Воскресной школы.

Но особенно любимым у детей, родителей и преподавателей — произведения, посвященные Пресвятой Владычице нашей Богородице, Покровительнице и Заступнице всех христиан. Заключительный гала-концерт фестиваля состоялся в день празднования иконы Богородицы «Казанской». Как это было уместно, с каким особенным волнением пели мы в этот день: «Мати Божия, просвети нас светом Сына Твоего и сохрани

людей православных! Молим, Владычице, не отступи от нас, Радосте наша!»

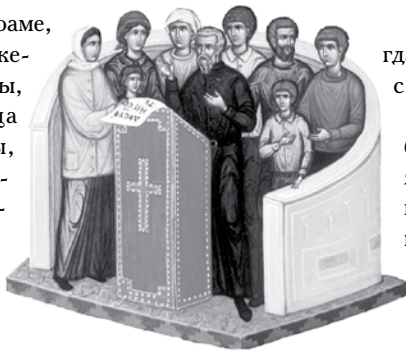
За прошедшие годы заметно выросла певческая культура воспитанников хора, и приятно осознавать, что многолетние труды оказались ненеприятными. Очень хорошо, что детям и преподавателям была предоставлена возможность показать результаты своей работы, послушать другие коллективы, как духовные, так и светские. И, конечно, для нас было очень важно получить такую хорошую оценку творческих достижений. За все это мы сердечно благодарим жюри и организаторов фестиваля.

Надеемся, что у нашей деятельности будут и другие добрые плоды, не всегда заметные сразу. Ведь всем известно, как благотворно действует пение в хоре на душу ребенка. Именно в хоре возникает чувство единства, взаимопонимания, взаимоподдержки, воспитывается смирение. Хоровое пение является неотъемлемой частью православного богослужения. А что может быть для православного человека полезнее и отраднее, чем возможность «едиными усты и единым сердцем» славить и воспевать пречестное и великолепное имя Божие.

Я.А. Терскова, руководитель детского хора при Александро-Невском соборе

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

Клирос — место в православном храме, где помещается во время богослужения клир, т. е. причетники — чтецы, певцы (певчие), а также лица священного сана, например диаконы, если они не принимают участия в богослужении по своему сану, а лишь выступают в чтении и пении. В каждом храме имеются обязательно два клироса, в большинстве случаев — южный и северный концы солеи, несколько выступающие внутрь храма и закрытые киотами с иконами (называются, соответственно, правым и левым клиросами). Иногда клирос устраивается на хорах и называется в таком случае верхним.

КЛИРОС

В «Церковном уставе» клиросом иногда называются и сами клирики или певцы с чтецами.

Хоры — верхняя открытая галерея (или балкон), устроенная в некоторых храмах над западными дверями, а иногда и на протяжении южной и северной стен, огороженная перилами. Руководитель хора — называется регентом. Во многих православных служебниках употребляется слово «лик», что по церковно-славянски значит «хор».

На клиросе в юности пели такие известные в России люди, такие как А.В. Суворов, Ф.И. Шаляпин, А.П. Чехов

и М.И. Ломоносов.

По страницам Православной энциклопедии

ШКОЛА БЛАГОЧЕСТИЯ

ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
ДМИТРИЕВА

Дар пения

Советы современным регентам

В храме Божием — все: и иконография, и чтение, и пение, и само внешнее и внутреннее устройство храма, — все служит одной цели: возбуждению и поддержанию молитвенного духа, назиданию и укреплению в вере. Все здесь должно дышать благоговением, возвышенным чувством, духовной красотой, умилять душу, назидать ее, возносить к небу.

В особенности это относится к церковному пению. Церковное пение все состоит из молитвы: кто поет духовную песнь, тот молится. Первые певцы пред престолом Божиим — Ангелы Божии и святые. В подражание ангелам и святым установлено пение и на земных богослужениях Святой Церкви, когда и «силы небесные с нами невидимо служат». Поэтому каждое богослужение неизменно сопровождается пением. «Церковное пение открывает для души дорогу к познанию Бога, Творца мира» — считала дочь известного религиозного философа А. А. Мейера известный Петербургский регент Лидия Александровна Дмитриева (1901–1995)

Что бы мне хотелось сказать современным регентам? Нужно помнить, что они стоят перед Богом и поют для Бога, и не забывать ни в одном слове, что поющий исполняет волю Божию во славу царствия Божьего. И, пение это люди будут воспринимать должным образом только тогда, когда поющие и все вместе, и каждый в отдельности будут полны любовью к людям, а не только заботой о том, как бы получше спеть. И только тогда сила Божия, которая человека ведет, даст ему возможность петь, даст ему голос, даст талант. И народ будет с благодарностью молиться.

Человек прежде всего должен быть благодарным. Все молитвы, оставленные нам св. Отцами, про-

никнуты этим чувством. Во время службы надо о себе совершенно забыть и благодарить Бога за то, что ты живешь, что ты имеешь возможность петь. Если помнить это — то и пение будет прекрасным, и люди будут молиться, и сам получишь то, что называется «благодатью Божией».

К большому сожалению, существует так много отвлечений во время пения, которые могут отвести человеческие мысли и сердце. И с этим приходится мириться: но все люди не совершенны и не могут быть все время сосредоточены. Но, хотя бы вставая на клирос и ощущая, что ты уже готов к служению Богу, нужно уметь отделиться от всех земных помыслов. Ведь каждый молящийся ждет от певчих, что они должны петь, как ангелы.

И певцы действительно должны в это время ощущать себя бестелесными, без всяких забот человеческих, существами, это не есть нечто недостижимое, а вполне возможное при усилении воли. Все земное нужно оставить и предаться только тому слову, которое ты будешь петь. Слова церковных песнопений рождены, не боюсь это слово произнести, Духом Божиим, внушившим их нашим св. Отцам — создателям песнопений. Затем постоянное исполнение — а их пели сотни лет — наполняло эти слова особой силой, которая действует на людей при условии, если произносящие их сами переживают сказанное.

Совершенство пения во многом зависит от регента, который должен серьезно, не только профессионально,

но и духовно, готовиться к богослужению. Нельзя просто так, соскочив с трамвая, побежать на свое место на клиросе. К богослужению пением ты должен относиться почти так же, как относится к богослужению священник; так же, как священник ты должен готовиться к исполнению своего долга.

Что касается манеры клиросного пения, то ей абсолютно чужда какая бы то ни было аффектация. Сами слова, сами напевы наши показывают и драматизм Страстной Пятницы, и

радость Светлого Воскресения. Вообще в церкви неуместно громкое, крикливое пение. Громогласность вообще не есть торжественность. И еще: нельзя оценивать ни себя, ни своих певцов. Считай, что все хорошо спели, и не осуждай, если кто-то ошибся, отвлекся. На это не нужно обращать абсолютно никакого внимания, потому что все пройдет и забудется, а останется та благодатная сила, которую Бог дает поющим.

Очень важно, чтобы пение было

понятным. Регент сперва сам должен хорошо понять смысл песнопений и потом разъяснить певчим, чтобы каждый поющий понимал, что он поет не просто что-то такое на такой-то высоте звука. Я очень люблю пение и признаю, что дар пения — это один из самых больших даров, дающихся человеку.

Московская регентско-певческая семинария. 1998—1999.
Сборник статей, воспоминаний, архивных документов.

РЕКА ВРЕМЕН

Ф.И.ШАЛЯПИН

«Русские люди поют песню с самого рождения»

Кто хочет поближе узнать русскую душу, тот должен познакомиться с русской песней. Песня раскрывает такие глубины, такие тайники русского характера, которые невыразимы, непостижимы в иных жизненных ситуациях. Песня — воплощение жизни народа, его культуры; является и всегда была выражением искренности, эмоциональности, и выразительности народной души. Удивительную, чарующую силу народной песни запечатлел Н.В.Гоголь в «Мертвых душах»: «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно разбросанно и неприютно в тебе... Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватается за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца?»

Русская народная песня стала известной и популярной во всем мире благодаря великим русским исполнителям, среди которых первое место занимает Фёдор Иванович Шаляпин (1873–1938), выразивший в своем творчестве лучшие свойства русского национального характера. Сам Шаляпин многократно отмечал, какое значение для его становления как оперного певца имела русская народная песня. По его убеждению математическая верность в музыке и самый лучший голос мертвенны до

тех пор, пока математика и звук не одухотворены чувством. Этот высокий дух Шаляпин вобрал в себя от народной песни. Учился пению Шаляпин в церковном хоре, как и многие певцы из народа того времени. И в лучших молитвенных местах его ролей можно проследить некоторую традицию духовных и народных песнопений.

«Шаляпин не просто пел, а дышал вам в душу своим звуком: в его массивном до колокольности глубоком звуке трепетало дыхание, а в дыхании трепетала душа; его голос имел власть взять слушателя и довести его немедленно до суггестивной покорности; с тем, чтобы заставить его петь с собою, дышать с собою и трепетать с собою; дыхание и продыхание давало звуку жизнь; звук переставал быть звоном, а становился стоном: вы слышали в нем вздымающуюся и падающую, сгущающуюся и разрежающуюся линию чувства — и ваша душа плыла в нем и жила им; получался звук, предельно насыщенный одушевлением, повелительно охватывающим душу слушателя», — писал о Шаляпине его современник русский религиозный философ И.А.Ильин.

Песенное наследие Шаляпина навсегда явилось своеобразным камертоном и образцом для многих поколений профессиональных певцов и любителей русского искусства, а образ певца являет собой до сего дня для всего мира некий эталон русского человека на сцене.

Предлагаем читателям «Алекса́ндро-Невского вестника» размышления Ф.И.Шаляпина о русской песне из его автобиографической книги «Маска и душа. Мои сорок лет жизни на театре»

А считаю знаменательным и для русской жизни в высокой степени типичным, что к пению меня поощряли простые мастерские русские люди и что первое мое приобщение к песне произошло в русской церкви, в церковном хоре.

Между этими двумя фактами есть глубокая внутренняя связь.

Ведь вот, русские люди поют песню с самого рождения. От колыбели, от пеленок. Поют всегда.

По крайней мере, так это было в дни моего отрочества. Народ, который страдал в темных глубинах жизни, пел страдальческие и до отчаяния веселые песни.

Что случилось с ним, что он песни эти забыл?.. Стало ли ему лучше жить на белом свете или же, наоборот, он потерял всякую надежду на лучшее и застрял в промежутке между надеждой и отчаянием?..

А как хорошо пели! Пели в поле, пели на сеновалах, на речках, у ручьев, в лесах и за лучиной. Одержим был песней русский народ, и великая в нем бродила песенная хмель...

Сидят сапожнички какие-нибудь... И вдруг вот заходят, заходят сапожнички мои, забудут брань и драку, забудут тяжесть лютой жизни, к которой они пришиты, как дратвой... Перекидывая с плеча на плечо фуляровый платок, за отсутствием в зимнюю пору цветов заменяющий вьюн-веноч, заходят и поют:

Со вьюном я хожу,
С золотым я хожу.
Положу я вьюн на правое плечо.
А со правого на левое плечо.
Через вьюн взгляну зазнобушке в лицо.
Приходи-ка ты, зазноба, на крыльцо.
На крылечушко тесовенькое,
Для тебя строено новенькое...

И поется это с таким сердцем и душой...

От природы, от быта русская песня, и от любви. Ведь любовь — песня.

Русская любовь поет и на заре, и в темные пасмурные ночи. И в эти пасмурные ночи, вечера и дни, когда стоит туман и окна, крыши, тумбочки и деревья покрыты инеем, вдруг огромным, нескладным голосом рявкает в ответ песне большой колокол. Дрогнет сумрак, и прольется к сердцу действительно какой-то благовест.

Конечно, многие люди, вероятно, несметно умные, говорят, что религия опиум для народа и что церковь развращает человека. Судить об этом я не хочу и не берусь потому, что на это я смотрю не как политик или философ, а как актер. Кажется мне, однако, что если и есть в церкви опиум, то это именно — песня. Священная песня, а может быть, и не священная, потому что она, церковная песня, живет неразрывно и нераздельно с той простой равнинной песней, которая, подобно колоколу, также сотрясает сумрак жизни, но лично я, хотя и не человек религиозный в том смысле, как принято это понимать, всегда, приходя в церковь и слыша «Христос воскрес из мертвых», чувствую, как я вознесен. Я хочу сказать, что короткое время я не чувствую земли, стою как бы в воздухе...

А единственная в мире русская панихида с ее возвышенной одухотворенной скорбью?

Благословен еси господи...

А это удивительное «Со духи праведных скончавшихся...».

А «Вечная память»!

А не знаю и не интересовался никогда, чем занимаются архиереи в синодах, о каких уставах они спорят. Не знаю, где и кто решает, у кого Христос красивее и лучше — у православных, у католиков или у протестантов. Не знаю я также, насколько эти споры необходимы. Все это, может быть, и нужно. Знаю только, что «Надгробное рыдание» выплакало и выстрадало человечество двадцати столетий. Так это наше «Надгробное рыдание», а то «Надгробное рыдание», что подготовило наше, — не десятки ли тысяч лет выстрадало и выплакало его человечество?.. Какие причудливые сталактиты могли бы быть представлены, как говорят нынче, — в планетарном масштабе, — если бы были собраны все слезы горестей и слезы радости, пролитые в церкви! Не хватает человеческих слов, чтобы выразить, как таинственно соединены в русском церковном пении эти два полюса радости и печали, и где между ними черта, и как одно переходит в другое, неуловимо. Много горького и светлого в жизни человека, но искреннее воскресение — песня, истинное вознесение — песнопение. Вот почему я так горд за мой певческий, может быть, и несуразный, но певческий русский народ...

Париж 1932 год

Искусство — не только искусство. Оно есть часть религиозного (духовного) сознания народа. Когда искусство перестает быть этим сознанием, оно становится «эстетическим» развлечением.

Россия — страна простора, страна песни, страна минора, страна Христа. Россия — одно из немногих мест, где жизнь жителям еще. Но свет земли нашей сознательно помрачается с помощью валюты и низких душ, ну и наших слабостей тоже.

Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть — вот что Россия принесла в мировое сознание. А ныне — есть опасность лишиться этой высокой нравственной категории и выдавать за нее нечто совсем другое.

Человек, с детства воспитанный на книгах Священного Писания, вживается в величие мира. Он знает, понимает, что в мире есть великое, торжественное и страшное... Страх перед Богом помогает человеку возвыситься. Человек, знающий, что Господь — истинный властелин Мира, Жизни и Смерти, с подозрением относится к самозванным посягателям на величие. Таким человеком не так легко управлять, он имеет в душе крепость веры.

Продажность достигла за это столетие размеров общего бедствия. За деньги люди готовы на все. Деньги — кумир, божество. Мнится, что над миром во весь рост возвышается какой-то гигантский Иуда. Утеряно всякое чувство стыда, всякое чувство уважения к своей стране и народу, наоборот, поощряется всякая продажность.

Искусство нашего века несет большую ответственность за то, что настоятельно и талантливо проповедует бездуховность, гедонизм, нравственный комфорт, кастовую, интеллигентскую избранность, интеллектуальное наслаждение: упоенно воспекает и поэтизирует всякого вида зло, служа ему и получая от этого удовлетворение своему ненасытному честолюбию, видя в нем освежение, обновление мира.

Новые поколения приходят в мир вполне чистыми, значит, дело в том, чтобы их воспитать в служении высокому добру...

Я устал от беспочвенных воплей и сетований по поводу «нецивилизованности» России, нецивилизованности русских, главным образом. Странно слышать, когда так говорят соотече-

МЫСЛИ ВСЛУХ

И В СЕРДЦЕ СВЕТИТ РУСЬ

Георгий Васильевич Свиридов (1915-1998) — выдающийся русский композитор и пианист,

произведения которого широко известны в нашей стране и за рубежом. Он создал целый музыкальный мир — классически-возвышенный и истинно народный, ибо музыкант чутко чувствовал, что подлинное в культуре всегда национально. Свиридова почитают у нас как гениального музыканта (по признанию Ивана Козловского: «слушаешь музыку из «Метели» и, хоть неловко, плакать хочется»), однако мало кто знает, что он оставил после себя и богатейшее литературное наследие. Композитор записывал мысли о жизни, о судьбах отечества, о музыке, литературе и искусстве на клочках бумаги, на аудиокассетах, на полях журналов, в маленьких блокнотиках 60-х годов. А с 1972 по 1994 г. вел своего рода духовный дневник — «летучие» записи в толстых тетрадях большого формата. Стержневой, главной темой этих размышлений является «потеря духовной самостоятельности, важнейший вопрос для всей нашей культуры и всего искусства». Свиридов высказывает свое понимание того водораздела художественных течений, который он наблюдал в современной ему советской культуре. «Размежевание — идет по самой главной, основной линии человеческого бытия, по линии духовно-нравственной. Здесь — начало всего, — смысла жизни!»

ственников Лобачевского, Менделеева, Гоголя, Лермонтова, Тютчева, Есенина, Достоевского, Чайковского. Правда, я говорю о культуре, а не о цивилизации, о «Слове о полку Игореве», а не о позолоченном унитазе.

Распространенное в наши дни стремление окарикатурить русскую песню, русскую интонацию, шутовство, переходящее в ерничество. Этого как-то было слишком много. Приелось это желание унижить Русское, «идиотизм деревенской жизни», по выражению одного немецкого профессора.

Наша духовная хоровая музыка — некогда гордость и самобытность нашего духовного сознания, объявлена уже десятки лет вне закона, оскорбляется и истребляется повсеместно. Исполнить духовную музыку иногда можно, но, фактически, нежелательно (и это все понимают). Духовная же музыка католиков объявлена высшей ценностью (даже когда подобные произведения не являются особо интересными), хранятся, исполняются и у нас. Музыка Русского православия истребляется, унижается, третируется в последнее время. Подобно тому, как церковная роспись католических храмов объявлена бесценным сокровищем, а Русская иконопись почти полностью уничтожена и продолжает уничтожаться.

Мусоргский считается новатором, а Рахманинов — консерватором, но музыкальная среда при их жизни боролась и с тем, и с другим. Потому, что борются не с новатором или консерватором, а борются с самой сущностью искусства, с его духом, в данных случаях с христианством и православием.

В нашем веке (теперь) создается большое количество музыки, вся сущность которой заключена в разнообразном и подчас весьма замысловатом движении музыкальной материи. Сочинение такой музыки требует, подчас, большой, кропотливой работы, своеобразной (комбинаторической) фантазии, способной к комбинаторике. Всем этим, несомненно, обладают ее авторы, разумеется в различной степени.

За исполнением таких сочинений можно с интересом следить по партитуре. Такая музыка имеет своеобразную прелесть для дирижера, который с ловкостью престижитатора, показывает музыкантам палочкой, руками,

пальцами, головой, иногда всем корпусом, где им вступить со своей игрой, а музыканту интересно также попасть в нужный момент со своей нотой, чтобы заполнить некую ткань, придуманную автором и ожидаемую или неожиданную слушателем.

Правда, за последнее время подобная игра надоела, нужно новое. Теперь объявлен неоромантизм.

Подобная музыка напоминает мне замысловатый кроссворд, состоящий подчас из разнообразных, иногда красивых слов, которые не так-то легко подыскать.

Еще большую ассоциацию музыка эта вызывает с детективным романом с замысловатой интригой, различными происшествиями, разнообразными убийствами и прочим. Читая такое произведение, следишь за его рациональным построением, к сущности дела оставаясь совершенно равнодушным.

Нравственная сторона поступков (жизни) вообще не принимается во внимание. А между тем, нравственный смысл, нравственное значение искусства — вот главное в нем. Эту нравственную сторону искусство обрело усилиями великих творцов, великих гениев, великих людей нашей эры. Вот против этой великой нравственной идеи и ведется борьба, надо сказать, далеко не безуспешная.

Балетно-симфоническое искусство существует и активно поддерживается Государством для престижа (главным

образом — международного). Искусство, как составляющая часть духовной жизни народа, почти перестало существовать.

Другой тип искусства, по идее своей предназначенный для духовного совершенствования нации, влечит тевное, в сущности, жалкое состояние. Это — как бы провинциальное, местное, диалектное творчество, в то время как музыкальный язык, например, симфонической, современной музыки становится однотипным, общераспространенным, средневропейским, как у нас теперь говорят.

Двадцатые годы и начало тридцатых были годами интенсивного разрушения Русской культуры.

Часто я вспоминаю свою Родину — Курский песенный край. Россия была богата песней, Курские края — особенно. До пятидесятых годов (как я знаю) хранились в памяти народных певич и певцов, передаваемые изустно, из поколения в поколение дивные, старинные напевы. Как они прекрасны, как они оригинальны, своеобразны, какая радость — слушать их... Теперь уже так не поют. Радио и особенно телевидение вытесняют эту музыку. Будет жаль, если она совсем исчезнет.

В самом деле, демоническое «богоборчество» Скрябинского «Прометея», парижское «язычество» Стравинского с его культом человеческих жертвоприношений («Весна Священная»), балетное дикарство

(«Скифская сюита») Прокофьева — все это было ново, ярко, красочно, пикантно, так будоражило сознанием «избранности», шекотало нервы проповедью абсолютной свободы человеческой личности: свободы от социальных обязанностей, свободы от религии, от долга, свободы от совести...

Всему этому буйству оркестровых красок, звуковой фантазии, разрушению гармонии и лада, пряности балетных пантомим, отказу от «нудной» христианской морали, Рахманинов противопоставил свою «Всенощную», написанную всего лишь для хора, без сопровождения: строгие старинные напевы и стройную классическую гармонию, храмовую музыку, уходящую своими корнями в глубины эллинской культуры, обретшей новую жизнь в горячо любимой им России, судьба которой его так тревожила.

Художественный бунт творческой интеллигенции, «особенно» конечно, в нашем веке, заключается, как правило, в дальнейшей европеизации, а с начала XX-го века — «американизации». Русское, и раньше воспринимавшееся как отсталое, косное, некультурное (при наличии гениальной церковной архитектуры, музыки, Пушкина, Достоевского, Мусоргского, Блока и т.д. и т.д.), третировавшееся и презиравшееся, за последние десятилетия подверглось невиданному разгрому и уничтожению. В Новой истории даже нет примера подобного варварства, жестокости и беспощадности.

Сдано в архив, уничтожено великое, гениальное искусство Русского православного хора, как попросту уничтожены десятки тысяч церквей и монастырей, икон и других бесценных сокровищ, творений Русского гения, саму память, о котором стараются уничтожить. Мы и сейчас видим много посильных помощников Сатаны (который имеет, конечно, вполне земное свое воплощение!) в деле уничтожения Русской культуры как идейной культуры. Против нее двинуты могучие силы, в том числе и новое искусство. Оно обладает обязательным качеством — агрессивностью, ибо не несет в себе позитивного заряда, а предназначено для борьбы, для разрушения... Не надо обладать особым умом для того, чтобы провозглашать: «Сбросим

Толстого, Достоевского и других с парохода современности», «время пулям по залам музеев тенькать», «Расстреливайте Расстрелли» — неправда ли, как остроумно! Или «Я люблю смотреть, как умирают дети» — провозглашаемого вместо скучного, постного «Не убий!»

План разрушений: архитектура, живопись, работы из драгоценностей, хоровая музыка; далее — театр, далее — музыкальный театр, который более другого сопротивлялся, далее — литература, как путем отрицания и запрета (полного, либо частного: Достоевский, Мельников, Писемский, Лесков, Крестовский и многие другие плюс Есенин, Сологуб, Мережковский, Бунин, Замятин, Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Клюев), так и путем ложного толкования, переделки (постановки с ног на голову), извращения — в театре, в чем особенно преуспел театр наших дней, в том числе — музыкальный.

Гушествует искусство — как глос души, как исповедь души. Такова была русская традиция. В 19-м веке, а может быть и раньше, из Европы пришла (и особенно распространилась) идея искусства — как развлечения для богатых, для сытых, искусства — как индустрии, искусства — как коммерции. Искусство — как удовольствие, как комфорт. Искусство — принадлежность комфорта.

Все это уводит искусство в сторону от чего-то важного, значительного в жизни, серьезного, глубоко касающегося всех нас, сокровенного, скрытого от глаз, что лишь подлинному художнику дано обнаружить и явить людям в слове ли, в звуках, красках или мраморе. Это лишь — единственное, думается мне, и является настоящим искусством, которое останется во времени или выразит сокровенную сущность наших дней.

Распространилось, как в 20-е годы, эпатирование Русского человека, русского национального чувства, стремление унижить Россию, во что бы то ни стало унижить ее народ, представив его сборищем скотов, унижить и ополщить его культуру, разрушить архитектуру, разграбить ценности.

Целая бездна лежит между страданием и болью души Гоголя, который видел несовершенство окружающей его жизни, жалкость человеческих помыслов и желаний, порой убогость

души человеческой, от которой сердце его обливалось кровью и слезами, которые мы чувствуем в его творениях. Целая бездна, повторяю я, лежит между этими чувствами и САМОДОВОЛЬНОСТЬЮ современного сытого пошляка, обращающего в пошлый фарс, в эстрадный скетч то, что для высокого художника (гения) было исполненным трагизма.

Прожив 66 лет, я вижу, что мир хаотичен не первородно, т. е. это не первородный хаос, а сознательно организованный ералаш, за которым можно различить контуры той идеи, которая его организует. Идея эта — ужасна, она сулит гибель всему, что мне дорого, что я любил и люблю, всему, что я сделал (и что будет истреблено за ненадобностью) и самому мне.

Анти-музыка, как и всякая антикультура, появляется (за последнее время) тут же (рядом) с подлинной культурой. Она как бы оттеняет эту последнюю, являясь в значительной мере пародией на нее, противоположением ей.

Можно ли возродить Русский театр? А почему бы и нет? Существует же, например, во Франции театр Французской Комедии, Театр Мольера. Наряду с ним существуют бесчисленные (возникающие и умирающие) маленькие буржуазные театры, иногда очень интересные. Но это театры обычно одного режиссера, одного или двух актеров, а иногда и ансамбля. Но это не национальный театр, воплощающий для всего мира дух Франции. Удалось ли сохранить во Франции такой же Музыкальный театр? В известной мере — да, но только в известной мере.

Оперный стиль французского театра несколько пестроват и не столь, может быть, целен.

Иное дело — Русская опера. Это — монолит. Без всякого преувеличения мы можем сказать, что здесь Россия сказала одно из своих самых заветных, сокровенных слов в мировой культуре, в жизни мирового духа. Русская опера XIX-го века — это горная гряда, горный кряж, великие вершины которого и по сей день остаются недоступными, а отходя в даль времени от нас, делаются все более и более недосыгаемыми.

«Иван Сусанин», «Князь Игорь», «Борис», «Хованщина» и «Китеж» — этот ряд принадлежит к величайшим

созданиям мирового искусства, а бы сказал, мирового духа. ... Что за богатство, что за красота и разнообразие!

Это — миф о России, возвышенный, величественный и трагический миф. Россия предстает в этом мифе как народ, одержимый великой и благороднейшей идеей братства и вселенской любви, верности и самопожертвования. Вот против чего ведется война. Вот что оплевывается, замалчивается, пачкается.. вот что ненавидят эти духовно злобные, хорошо обученные творческие скопцы.

Мусоргский и Вагнер были величайшими из композиторов, а не «спекулянтами», умевшими вылепить форму (по образцу!) и т.д., которых плодят в огромном количестве Мендельсоновские и Рубинштейновские консерватории. Они (Мусоргский и Вагнер) видели судьбу наций, крестный их путь!

Говременный театр — арство вульгарности. Изгрядили, загадили все русское: драму, оперу, поэзию, музыку, все, все.

Вы люди принципиальные, в этом Вам не откажешь, Вы насаждаете в России шенбергианство, колонизируете нас.

Возможно, что Вы и подобные Вам люди, делающие похожее в других областях жизни и преуспеет — обратите Русских в колониальный, бесправный народ (и сейчас он — полубесправный) без веры, без Бога, с выборочно дозволенной собственной культурой и историей, с оплеванным прошлым и неясным будущим. Тогда — Вы будете на коне и силой утверждаемые насаждаемые Вами кумиры обретут известность, но все равно никогда не обретут любви. Но возможно и другое, возможно что Вам не удастся попать и окончательно унижить достоинство Русского человека, тогда Вы будете названы своими именами.

Русский народ без веры, без идеи бредет по свету и с ним можно делать все, что угодно, ибо он утратил высший смысл существования и обеспокоен лишь заботой о куске хлеба. Это — великое унижение, в которое впал наш народ, и пока он не возьмется за ум, он останется униженным рабом и будет истреблен, что может произойти гораздо быстрее, чем мы думаем.

Из записных книжек.

Тетрадь №10

Христианский Орфей

И.С.Козловский (1900-1993) — великий русский оперный певец, ровесник и легенда XX века, певец неповторимого артистического обаяния, музыкант, с именем которого связана история современного вокального искусства, бывший примером для нескольких поколений артистов, жемчужина и гордость как украинской, так и русской культуры. Русская духовная музыка — наименее известная часть наследия Ивана Семёновича, долгие годы окутанная молчанием. В книгах и статьях, посвященных певцу, исключалось почти все, что имело отношение к духовной музыке и вере певца. Лишь в последние годы жизни певца стала приоткрываться завеса над тщательно скрывавшимися фактами его жизни и творчества.

Иван Семенович Козловский прожил длинную, яркую, удивительно богатую и предельно насыщенную духовную жизнь. Он был глубоко верующим человеком и не скрывал этого. Козловский пел в церкви с детства. В семь с половиной лет его отдали учиться в Златоверхий Михайловский монастырь в Киеве. Мать мечтала, чтобы сын стал священником. Он пел в хоре мальчиков на левом клиросе Софийского собора и даже получил право проводить занятия в одной из групп хора.

Иван Семенович вспоминал: «После школы принимали в Семинарию, где учились четыре года на священника. Если хотели стать богословом — еще один год. Потом могли поступать в Академию». Но наступил 1917 год, и судьба молодого певчего сложилась совсем иначе. Он служил в армии, а затем началась его оперная карьера. Но духовная музыка не была вычеркнута из его жизни, а веру в Бога он сохранил на всю свою жизнь, соблюдая все религиозные обычаи и праздники. Это было далеко не просто в годы торжества воинствующего атеизма.

«Отец был глубоко верующим человеком, православным христианином, — вспоминает дочь певца Анастасия Козловская — он соблюдал все посты, отмечал все религиозные праздники, часто ходил в церковь, много и часто молился дома. Никогда не садился за стол, не помолвившись. Молился перед выходом из дома и после возвращения. Молился просто так, без видимой причины».

«Я с детства помню его приходы к нам в гости каждое первое января, — пишет современник артиста Анатолий Агамиров, — Войдя в наш дом, он долго крестился, читал поздравительную молитву всем присутствующим и

сыпал семена во все углы. Затем садился к столу. У него был целый список первоянварских визитов».

«Есть духовная сила, которая, по сути, и есть продолжение жизни, начатой нашими предками. И если бы не было предшественников, на плечах которых мы стоим, это движение вперед было бы невозможно», — говорил Иван Семенович, храня молитвенную память о людях, с которыми ему довелось встретиться в жизни. Близкие певца вспоминают, что он очень часто ходил на кладбища, молился у могил тех людей, которых знал. Бывая в Киеве, непременно посещал могилы своих учителей, знакомых. При этом оставлял серебряные монетки, говорил: «Нищие подойдут, поднимут, купят себе хлеб, скажут — побывали у могилы очень доброго человека». Часто оставлял монеты для уборщиц и в студии звукозаписи.

В то время, как многие советские люди боялись даже переступить порог храма, Козловский по церковным праздникам пел в православных храмах Москвы, был не просто прихожанином храма Воскресения Словущего на Успенском Вражке, но и ходатаем о его сохранении. В конце 30-х годов, узнав о готовящемся взрыве храма, он имел смелость обратиться к Сталину с просьбой о сохранении церкви как ценнейшего исторического объекта. Во многом благодаря этому звонку сохранился Воскресенский храм. Храм Троицы Живоначальной на Воробьевых горах со старинными иконами и интерьером также был сохранен его усилиями.

Современники артиста часто отмечают еще одну христианскую черту в облике Козловского — удивительно бережное отношение к людям и всегдашнюю готовность прийти им на помощь. В тяжелейшие для русских людей годы, он никогда не боялся помогать нуждающимся,

в том числе и репрессированным, так называемым «врагам народа». Это был его выбор, он не представлял, что можно жить по-другому. Он умел видеть незащищенность человека, чем бы она ни была вызвана, и никогда не проходил мимо. Козловский передавал деньги известной пианистке и православной подвижнице Марии Юдиной для помощи репрессированным и бедствующим, посылал ссыльным тёплые вещи, лекарства и деньги. У Козловского искала защиты и человеческого тепла первая жена Ф. Шаляпина с дочерью, оставшиеся в России после эмиграции великого певца во Францию и преследуемые как родственницы «врага народа». Иван Семенович помогал им материально как только мог.

Единственный из московской интеллигенции он поддержал Наталью Рыкову, дочь второго после Ленина руководителя Советского Союза, председателя Совнаркома СССР А.И. Рыкова, отсидевшую в сталинских лагерях 18 лет. Помог ей внушительной суммой денег, хлопотал о жилье для нее и пенсии. Она всегда была желанной гостьей в его доме, возможно единственном радушном для нее доме в Москве.

Из воспоминаний Елизаветы Лельчук: «Один молодой человек, мой сослуживец, оказался в Ленинграде, где случайно познакомился с Печковским (Н.К. Печковский попал на оккупированные немцами территории, поехав спасать проживавшую там мать, а затем и в немецкий лагерь, что и стало причиной его опальности после войны...), который тогда только что вышел из заключения. Печковский рассказывал, что бывшие друзья от него отвернулись, ему было очень трудно, — и первым, кто откликнулся на его возвращение, был Козловский, который выслал ему по почте 5 тысяч рублей на первое время...»

Козловский жалел коллег, вышедших на пенсию, вообще всех, кто был одинок, обездолен, стар и нуждался, той жалостью, которая гнала его выпрашивать, добиваться у чиновничества для посторонних ему людей квартир, окладов, лекарств, санаториев... Он мог быть человеком вышестоящим органам, чтобы лучше жилось театральной гардеробщице или вдове провинциального артиста...

В селе Марьяновка, откуда Иван Семенович был родом, на его средства была построена детская музыкальная школа.

Однажды на гастролях в Минске Козловский обратил внимание на молоденькую девушку 16-17 лет, с трудом передвигающуюся на костылях. Вернувшись в Москву, он нашел для нее хороших врачей, согласившихся сделать ей две операции. В результате девушка избавилась от костылей.

Козловскому приходили кипы писем с просьбами о помощи. И он старался помочь, не забывая тех, кто к нему обращался. Так артист понимал ответственность человека перед человеком, так делами он нес свою веру людям.

Не случайно современники Ивана Семеновича называли его «золотым сердцем».

Сам живя очень скромно (в его спальне висела лампочка без плафона), Козловский очень много помогал материально людям. Он признавал любовь только жертвенную, в самом высоком понимании этого слова. Он неоднократно говорил: «В чем счастье? Отдавай, что имеешь, и отдавай скорей. Вот в отдаче, видимо, и есть взаимное обогащение... Если испытываешь к кому-нибудь неприязнь, подумай о том, как ты ему можешь помочь».

А в последние годы жизни практически на каждой странице его дневника было написано: «Пусть будет добро... Надо делать добро...»

Известный артист, находящийся на вершине советского искусства,

Козловский сохранил верность полученным в детстве нравственным устоям и нес своей жизнью и творчеством любовь к Господу, глубокую и непостижимую для большинства окружающих.

Творческая биография певца по своему долголетию не имеет себе равных. Последний сольный концерт, состоявший из двух отделений и сложной программы произведений Сергея Рахманинова, Иван Семенович спел в Большом зале консерватории в возрасте 87 лет. За долгие годы служения искусству Козловский исполнил около 50-ти разнохарактерных оперных партий. Среди них Ленский в «Евгении Онегине» и непревзойденный Юродивый из «Бориса Годунова». «Если бы Козловский ничего не спел кроме Юродивого, он стал бы великим Козловским, — замечает народная артистка СССР Бэла Руденко, — он смотрел в небо своими чистыми голубыми глазами и улыбался, а у зрителей мороз по коже шел. Так он пел эту партию». Казалось, что поет ангел.

Зрители вытирали слезы, видя в глубоком образе юродивого — часть России. Козловский напоминал им своим пением: чтобы ни происходило, в мире остается Божественная красота, и она не только в природе, но и в человеке.

«В наше время, чересчур громкое, способное перекричать не только лирического тенора, но даже оглушительного баса, — отменяли современники, — Козловский слушает биение человеческого сердца». Его чистый голос завораживал, уносил в далекую даль, заставлял впитывать божественное великолепие высокого искусства, задумываться над сущностью бытия.

«Я не знаю, как определить феномен голоса И.С.Козловского, — замечает Т.Доронина, народная артистка СССР, — Но сила воздействия на слушателя, вероятно, заключалась в наличии души и приобщении к вере. А так как приобщение к вере было подлинным и внутренним, то было ощущение того, что Господь одаривал его всякий раз высшей степенью божественного воздействия на зрителей». «Христианским Орфеєм» называли певца современники.

Козловский был необыкновенно отважным человеком. В свои концерты он не боялся включать редко исполняемые, почти забытые религиозные произведения. Так, в 1948 году в год празднования 500-летия автокефалии РПЦ в Московской консерватории Козловский исполнил «Ныне отпускаеши» композитора Николая Соколова. Вновь вышел он на эту сцену с православными песнопениями только в 1965 году. Этому предшествовала долгая переписка Козловского с чиновниками от культуры и обивание высоких начальственных порогов. На концерте были исполнены четыре номера из «Всенощного бдения» С.Рахманинова. В афишах они были объявлены как хоры из опуса 37, а в критических статьях фигурировали как некие «старинные распевы Рахманинова». Исполнение «Всенощного бдения» Рахманинова, до той поры было запрещено и в концертах, и в храмах.

Ин. Попов, свидетель этого концерта, был восхищен мастерством Козловского: «Волшебно звучал несравненный голос! Тысячи раз слышанный чарующий серебристо-звончатый тембр его приобрел какую-то особенную, словами невыразимую глубину. И, подобно Шаляпину, Козловский продемонстрировал тогда поразительное искусство незаметным тембровым нюансом менять окраску голоса, добиваясь того, чтобы на фоне хора сольные фразы звучали всегда светло, ярко, «прорезая» хоровые массивы. Концерт прошел с триумфальным успехом. Зал тогда буквально неистовствовал от восторга».

После этого концерта его, лауреата двух Ленинских премий Советского Союза, лишат Ленинской премии, на целый год отлучат от сцены главного театра страны, не выпускают на гастроли в Америку.

Весной 1969 года случается очередной скандал: на концерте в Большом зале Московской консерватории, где дирижировал Евгений Светланов, Козловский исполнил романс Рахманинова на стихи Мережковского «Христос воскрес». Это вызвало восторг у публики и шок у начальства. Иван Семенович взял всю ответственность на себя, заявив, что Светланов пошел на исполнение романса по его настоянию.

Несмотря на страшное противление властей, Иван

Семёнович решил подготовить и записать программу своих, может быть, самых любимых песнопений — украинских рождественских колядок. Подлинные жемчужины как народной музыки, так и вообще мировой, посвященной Рождеству Христову, они были практически забыты в советские времена, по причине агрессивной атеистичности общества и государственного строя.

Колядки были записаны и исполнены со

сцены. Однако где-то в высших эшелонах нашлись им и лютые враги. Прямая радиотрансляция с концерта была прервана, а тираж пластинок, уже поступивших в продажу в магазины, варварски уничтожен: пластинки сбросили с магазинных полок и просто растоптали сапогами. «Кажется, душу топтали», — горько заметил Козловский по этому поводу.

«Из духовной музыки мы все вышли. Если проследить историю Большого театра, и не только Большого, то биографии всех выдающихся певцов начинались с того, что они пели в церковном хоре... духовная музыка — музыка мощного духовного напряжения, высочайшего полета души» — писал Иван Семенович позднее.

Действительно, многие критики видели причины вокального совершенства Ивана Семёновича в тесной связи его исполнительства с русской духовной музыкой.

Глубокая духовная наполненность и высочайшее мастерство его исполнения никогда не оставляли равнодушными слушателей. Однажды исполнение Козловским «Ныне отпускаеши» в Юрьевом монастыре в Новгороде слышали всего два человека: ключница-сторожиха и писатель Владимир Солоухин. Восхищение простой женщины выразилось непосредственно: она поклонилась ему земным поклоном. А писатель создал прекрасный рассказ «Золотое зерно», воспев там «могучий, высокий, чистый, радостный звук, который не похож ни на какие другие звуки и который называется в человеческом обиходе голосом Ивана Семёновича Козловского»

Публикация подготовлена Л.Фисун

И.С. Козловский в роли юродивого из оперы «Борис Годунов»

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В преддверие праздника Народного единства силами воспитанников Воскресной школы и хора Александро-Невского собора были проведены два концерта: в семейном клубе библиотеки №17 и Информационно-Библиотечном центре Ленинского района. В программе концертов прозвучали духовные песнопения, русские народные песни, стихи, написанные воспитанницей Воскресной школы Настей Потаниной. Зрители тепло встретили артистов.

Одним из последних ярких и запоминающихся событий в жизни Воскресной школы и всего нашего прихода стала литературно-музыкальная постановка «Солнце земли Русской», посвященная небесному покровителю нашего храма благоверному великому князю Александру Невскому. Эта постановка готовилась задолго до начала учебного года и была приурочена к престольному празднику (12 сентября — День перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского).

Целью постановки явилось прославление великого заступника Русской земли и православной веры. Воспитанники Воскресной школы и праздничный хор нашего храма стремились не только создать светлое праздничное настроение у зрителей, поздравить настоятеля с днем ангела, но и оживить приходскую жизнь. Кроме того концерт носил просветительский характер. В основу лекции-

концерта было положено житие благоверного князя Александра Невского, использован ряд видеоматериалов, отображающих исторические события того времени, а также изображения храмов, освященных в честь благоверного князя Александра по всему миру.

Имя Александр в переводе с греческого языка означает «защитник людей». Среди православных святых, носивших это имя, были патриархи, священники, монахи, простые миряне. Кто-то из них мученически пострадал за веру, кто-то послужил Господу иными подвигами и трудами. Однако с особой любовью русский народ чтит память святого благоверного князя Александра Невского.

Величие и святость князя глубоко и проникновенно воспеваются в пении тропаря. Еще в годы, когда организовывался праздничный хор в нашем храме, первый регент Ю.В.Меньшикова написала вдохновенный праздничный напев тропаря, в

основу которого положены элементы знаменного распева. Мелодия настолько ярко передает величие слов молитвы, что сразу полюбилась прихожанами и вошла в репертуар хора. Вот уже многие годы исполнение этого распева тропаря стало своеобразной традицией.

Музыкальная программа концерта оказалась довольно насыщенной. Прозвучало много интересных музыкальных номеров в исполнении воспитанников детского хора: «Колыбельная для России» С.Трофимова, «Песня о земной красоте» муз.Я.Дубравина, сл.В.Суслова, «Дорога добра» муз.М.Минкова, сл.Ю.Энтина. Праздничный хор храма исполнил «В память вечную» П.Чеснокова, «Тебе Бога хвалим» А.Архангельского, «Пресвятая Богородице» и «Дни мои» монахини Иулиании (Денисовой).

Одним из самых ярких номеров концерта явилось исполнение песни «Конь» на музыку И.Матвиенко, слова А.Шагана. Эта песня получила новую жизнь в довольно оригинальной аранжировке для детского и смешанного хора, в основе которой были использованы труды монахини Иулиании (Денисовой).

Еще одной запоминающейся страничкой концерта стало заключительное выступление фольклорной группы под руководством В.П.Вознесенской. Маленькие исполнители в ярких народных костюмах с трещетками, ложками, бубнами, балалайками и крохотными гармошками задорно исполнили несколько народных песен.

Лекция-концерт был создан с

большой любовью, благодаря стараниям всего творческого коллектива Воскресной школы и праздничного хора. Он оказался настолько удачной формой выступления и так полюбился зрителям и самим исполнителям, что стал своеобразной визитной карточкой нашего храма.

В преддверии праздника Народно-го единства слова о величии подвига святого князя Александра Невского, бесстрашно защищавшего родную землю прозвучали в стенах семейного клуба библиотеки №17 и концертном зале Библиотечно-информационного центра Ленинского района. Выступавшие были очень тепло приняты зрителями.

О.В.Покидова,
регент праздничного хора,
Т.И. Комиссарова, библиотекарь
Александрo-Невского собора

фото Н. Кимайкиной

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

МАРИНА АЛЁШИНА

САМОЕ КРАСИВОЕ В МИРЕ

ВЕСТНИЧЕК

Жил на свете один учёный, который очень хотел узнать, что такое красота. Дни и ночи напролёт он был готов искать ответ на этот вопрос.

Мальчиком он проводил много времени в созерцании творений великих мастеров. И, уходя из музеев, уносил в памяти совершенство линии, цвета и композиции. Но снова

стремился туда, пытаюсь понять, как создается красота.

Юношей он стал вдумываться в законы, при соблюдении которых звуки становятся музыкой, а краски складываются в произведение искусства. Со временем он изучил все эти законы.

И всё же в нём крепла уверенность, что настоящей красоты так и не удалось отыскать.

Словно в душе образовалась пустота, не заполненная ничем. Потому-то его влекло к познанию снова и снова, только бы найти самое красивое в мире.

Однажды юноша пришел к своему учителю и сказал:

— Я хочу странствовать по свету, чтобы найти прекраснейшее в мире.

Учитель улыбнулся:

— Я искал его, но не нашел, — и ты только напрасно потеряешь время!

— Пусть, — ответил юноша, — но я буду знать, что сделал всё возможное.

И он отправился странствовать по свету. Перед взором усталого путника открывались дивные виды Италии, Франции и Греции. Но душа его всё ещё не находила покоя.

Однажды, молодой учёный шел вдоль берега моря, опустив голову и размышляя о чём-то. Волны мягко набегали на ноги, словно стараясь утешить. Внезапно он поднял глаза и застыл в изумлении. Лучшие из красок переливались в небе — совершенство, которое не в состоянии передать кисть, и свет, который не смог бы изобразить никто из людей. Учёный понял, что самый великий

художник — Бог, а человек может понять и отразить лишь малую часть красоты, созданной Им.

Проходили годы. Учёный обошёл множество стран.

У него уже были ученики. Жизнь клонилась к закату. Он приобрёл маленький домик у моря, близ одной бедной деревеньки. Часто, сидя на склоне горы, старый и мудрый человек глядел на волны. Море то бушевало, то становилось гладким, как зеркало. Иногда солнце, восходящее прямо из воды, первыми лучами касалось его одинокой фигуры.

По утрам на гребень соседнего холма приходил бедный мальчик из соседней деревни со своей козой. У него были льняные волосы и кроткий взгляд. Сначала учёный и мальчик просто здоровались друг с другом, а потом подружились и стали вести долгие разговоры. Коза прыгала по горе и жевала зелёную траву.

— Почему на восходе и закате солнце бывает такого ярко-малинового цвета? — спрашивал мальчик.

— То краски и мудрость Великого Художника, — отвечал старый учёный. Он мог бы объяснить, отчего солнце имеет такой цвет. Но если ты понял смысл, к чему долгие объяснения?

— Может ли человек нарисовать солнце такого цвета? — снова спрашивал мальчик.

— Нет! — отвечал учёный с улыбкой: ему нравился ход мысли мальчика.

Они беседовали только о красоте Божьего мира. Учёный был слишком стар и слишком мудр, чтобы рассказывать мальчику о красоте, созданной людьми. Над ними летали чайки, под ними плескалось море, и с ними был Бог.

Однажды старый учёный заболел. Жизнь подходила к концу, и лечился он кое-как. Старый вопрос остался неразрешённым, но звучал он теперь иначе: что из сотворённого Богом прекраснее всего?

Мальчик забеспокоился, не найдя однажды учёного на обычном месте, и пришёл к нему в хижину. Но чем маленький бедняк мог помочь больному старику? У него была только коза. Для неё нужно было помногу трудиться и каждый день вставать до рассвета, чтобы летом продать молоко и выручить немного денег.

Когда учёному стало хуже, мальчик стал ухаживать за ним, и отпаивать козьим молоком — единственным лекарством, которое у него было, и единственным своим богатством. Он очень переживал за старика и просиживал ночи у его постели.

Прошли недели, и учёный стал поправляться. Козье молоко вылечило его — богатство мальчика, отданное даром. Старик лежал в своей хижине и наблюдал за игрой света на стенах. В лице его отражались тишина и мир.

Ученики приехали навестить своего учителя.

— Скажите, — спросили они, — Вы так и не узнали, что — самое красивое в мире?

Учёный тихо улыбнулся и сказал:

— Душа человека.

Все молчали, только ветер шуршал травой, и море шептало что-то берегу. Потом старый учёный добавил:

— Нет ничего прекраснее души человека, живущего рядом с нами.

<http://www.proza.ru>

А. БЛОК

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

1905

рис. И. Глазунова